

С ЛЮБОВЬЮ, ПЕПЕЛ

*И у мертвых, безгласных,
Есть отрада одна:
Мы за родину пали,
Но она –
Спасена.*

А.Т. Твардовский, «Я убит подо Ржевом»

Аннушка, вот уже третий месяц я в земле. Холодно тут и сыро, и не слышать новостей сверху, зато товарищи все рядом. Делать тут совсем нечего – лежим все вместе, как котятки, греем друг дружку да войну вспоминаем. Закончилась уж война-то или нет?

Рассказал ребятам, как забрали меня. Оказалось, я тут не один такой. Все вспоминал, как утром на работу пошел. Машину свою вижу так, как будто фотокарточка в голове! Мужика странного с повесткой помню. Эх, даже родных мне навесить тогда не дали! Сразу забрали. Как я рад был, когда ты, Аннушка, прибежала ко мне с Катериной. Чувствовал, наверное, что не увижу вас больше. Сердце, оно ведь все знает наперед. И я тогда знал все, и так я радовался вам, как будто сто лет не видал. И вот теперь снова и снова вспоминаю – ты с Катериной, красивые, а Катерина босая, румяная. «Папка, папка...» Эх, пап-

ка. Подросла, поди, она. Похорошела. Какая она теперь, Аннушка? Уж невеста, сколько времени прошло. Помнит она меня, Аннушка? Я-то все помню. Не осталось у меня больше ничего, только ваши образа в голове.

Все ребятам про вас рассказываю, Аннушка. Про Сашу, про Катерину, про Клавушку. Как там Клавушка? Совсем она маленькая была, когда меня забрали. Сейчас подросла уже, да? Помню письма твои, ты ручки ее к бумаге прикладывала и обводила. Эх, до чего крохотные ручки! Уж и забыл я, что у людей такие маленькие ручки бывают. Ручки маленькие – а сердца большие, Аннушка. Воспитаи их хорошо, эти ручки, эти сердца. Я не слышу ничего, но я все знаю, я приглядываю, и я все помню. Все-все. Сейчас помню больше, чем когда бы то ни было.

Сердце... Сердце мое в золе, Аннушка, но оно бьется, потому что помнит все. Только вот крики, кровь, шум фронтовой – это все словно дымкой затянуто. Но я все помню. Это сердце, Аннушка, сердце... Помню, как ранили меня тогда, в сорок третьем. Лежал я, но ни боли, ни страха ни чувствовал. Тихо стало вдруг. Потом был госпиталь. Тут мне страшно вдруг стало. Страшнее, чем в бою, Аннушка. Потому писал тебе тогда так часто – боялся. Сам еще не знал, чего, но боялся. Сердце что-то подсказывало. Я тогда на поправку шел. Мне руку ранило левую, хорошо, что не правую, но писать все равно неудобно было. Но я писал. Помню, как самое последнее письмо тебе написал – я тогда совсем уже здоров был, выписали меня и на бой отправляли. Хорошо, что я тогда написал тебе, Аннушка. Хорошо, что успел написать. И теперь пишу – только письма не доходят почему-то. Плохо здешняя почта работает.

Вышел я из госпиталя – здоровый как бык, разве что мизинец на левой руке не гнулся почему-то. Но это и не важно. А потом, Аннушка, бой был. Страшный бой. Я его хорошо помню, Аннушка. Лучше, чем все остальное, а ведь я тебе говорил, что я все помню прямо как было. Но этот бой особенный, я знал, сердце чувствовало. Я был там – но, знаешь, Аннушка, как будто и не был, как будто я кино видел про себя самого. А в кино этом я, как обычно, танком управлял, и ребята мои рядом были. Было это где-то под Днепропетровском, там деревушка такая была, Мурысей ее звали. Сейчас-то, поди, нет уж деревушки этой. А тогда еще была. Правда, я и сам эту деревушку плохо знаю, я ведь из машины на нее глядел, не своими глазами. Это, Аннушка, звучит страшно, а на деле – привыкаешь, я вот быстро привык. Сначала – страшно, а потом как в заводе прямо на крану. Только шуму больше. И тесновато. Ну, и жарко. А еще... а еще, знаешь, там, в бою, нет тебя. Нет «я». Есть мы. Есть народ, есть большая страна. Вся большая страна – одно большое сердце, Аннушка, и оно полным-полно памятью, память – она в стране вместо крови. И вот я в танке, я в бою, но я с вами, Аннушка, я вижу тебя, вижу дом, вижу Катерину, и Сашу, и Валю, и крохотную Клавушку, и ручки ее, маленькие очень. Я за вас там воевал, Аннушка, за вас, чтобы вы, Аннушка, спать могли спокойно. Но вы – и во сне и наяву – помнить должны меня. Да вы и так, без «должны», помните. Я знаю.

А потом, Аннушка, тихо вдруг стало. Тихо и горячо вокруг. Горячее, чем обычно. Но я не испугался. Я знал, Аннушка, я чувствовал, что этот бой будет последним. Потому написал тогда тебе. А сейчас

пепел – все, что осталось. Пепел писем не шлет. Но пепел все помнит, Аннушка, и вам наказывает помнить.

И вот теперь, Аннушка, я в земле. Новостей тут не бывает. Зато память есть. Она – это мы, и вы, и наша земля, наша страна, за которую мы лежим теперь, безмолвные, безликие, но помнящие все. Знаешь, Аннушка, ты не обижайся, ты самая главная у меня, но главнее тебя – земля, страна, Родина наша. Мы без нее не мы. Мы можем обманываться, но – знай! – только ею живы мы, Аннушка. Так живи, Аннушка, живи и помни, что пожар в сердце твоём, кровь твоя, скорбь и радость – это все красное знамя, и это память, это прошлое, которым жива ты сейчас и которым живы будут наши дети и внуки в будущем.

СЧАСТЬЕ С УСАМИ

Всем хорошо известно, что нет для женщины большего счастья, чем мужчина с пышными и ухоженными усами. И потому тетушке моей, без сомнения, повезло. Ее муж, то бишь дядя мой, – мало того что охотник и рыбак и актер без «Оскара», мало того что безумно обаятельный и в свои шестьдесят выглядит лучше иных тридцатилетних, мало что рыбу готовит словно бог и посуду моет с удовольствием. Так вот, помимо всех этих вышеперечисленных достоинств и множества других, о которых можно говорить бесконечно, – он является обладателем шикарных усов.

Усы, как нам всем известно, – это волосы, растущие под носом, прямо над верхней губой. Они могут быть прямые, могут быть закрученные, они бывают напояженные или подкрашенные, а еще могут быть совершенно естественными; бывают усы густые, а бывают жиденькие. Но всегда щеточка над верхней губой обладает какой-то неземной притягательностью. Андрей Тарковский, Кларк Гейбл, Леонид Филатов, Фредди Меркьюри, Владимир Зельдин, Сальвадор Дали – и не говорите, что не в усах дело, не поверю ни за что!

Я, конечно, понимаю, что дело не во внешности. Но все-таки усы придают мужчине какую-то особенную притягательность, делают, так сказать, мальчика мужем. А самое главное, усы – это, без всякого сомнения, отличный талисман для привлечения счастья (и вместе с ним – симпатичных женщин). Существование в этом мире моего дяди – лишнее тому подтверждение. Счастливый и усатый! Чего еще желать? Усы у него как у Филатова, вечная классика, плюс еще густые очень и с проседью. Шикарные усы.

Если кто-то собирается к дядьке моему в гости, я всегда напрашиваюсь за компанию. Он меня любит, я его тоже. Он шикарно рассказывает истории, я люблю их слушать. Он носит усы, а я от усов без ума. Короче, идиллия.

Поэтому, когда дядька позвал меня на рыбалку, я согласилась не думая. Природа, рыбка и усы. Красота!

Компания собралась весьма приятная – дядька, Вовка, его сын и по совместительству самый красивый кузен, папа, дядя Женя, то бишь крестный мой, и Гошка, брательник. Мы загрузились в две машины и покатали к озеру, которое называется Малое Колодливо. Это на границе Нижегородской и Владимирской областей, в семнадцати километрах от Тамболеса, рядом – река Ока. Вовка всю дорогу клялся, что это тихое и красивое место, где рыба не перевелась еще и даже бобры иногда пешком прогуливаются.

И он не соврал. Как только мы отъехали от города, дорога стала ужасной, но зато вокруг были бескрайние поля, а на полях цвели

августовские цветы и ароматные травы, которые застилали землю густым зеленым и золотым ковром до самого горизонта.

Мы прибыли на место. Тут было два озера, одно побольше, другое поменьше. Соответственно, то, что поменьше – Малое Колодливо, там мы и собирались рыбачить. Мужчины распутывали бредень, передевались; Вовка достал из машины резиновую лодку, стал ее накачивать. Я же прошла прогуляться, осмотреть местность. Зашла в воду примерно по колено, присмотрелась – дно было все испещрено ракушками, поэтому ступать было немножко боязно, дядька предупредил, что можно порезать ногу.

Я разглядывала все вокруг – следы солнца на воде, чистое голубое небо без облаков, растительность вокруг воды. Слушала – переговаривались мужчины, иногда шелестели листья, порой кричала какая-то птица вдалеке и быстро замолкала. Но более всего была тишина, такая же всепроникающая, как вода.

Я вышла на берег и медленно шагала по узкой песчаной дорожке на берегу озера. Справа от меня была зеленая стена, слева – мутноватая вода, а купаться мне совсем не хотелось, поэтому двигалась я осторожно. Рядом со мной прибился Вовка на лодке и крикнул:

– Прыгай ко мне, покатаю!

Я осторожно забралась в лодку, Вовка мне помог. Села на грязное дно, поморщилась.

– На, подстели под задницу, – он подал мне старый холщовый походный рюкзак.

Поначалу я сжалась в комочек. Я вообще трусиха, воды боюсь, качки боюсь, поэтому сидела в лодке скрючившись в неудобной позе. Потом поняла, что никуда я из лодки не денусь. Расслабилась. Вытянула ноги, а руки запустила в воду.

– Теплая, – удивилась я, – все-таки уже сентябрь на носу.

– Тут мелко, быстро прогревается, – объяснил Вовка. Он догреб уже почти до середины маленького озера.

Берега у водоема были очень крутые, и мне казалось, будто наша лодочка плавает в огромной чаше с зелеными краями. Я опускала руки в мутную зеленоватую воду и представляла, что это ведьминское варево, которое подарит мне вечную молодость, бесконечную удачу, или, на худой конец, усы, желательны такие, чтобы их можно было снимать перед свиданиями (я, конечно, люблю эксперименты, но не настолько).

Я вновь и вновь вглядывалась в воду. Особенно мне нравилось то, что она полна жизни – рядом плещется рыба, у берегов можно разглядеть без труда мальков и лягушек, по поверхности бегают водомерки. Все вокруг было подвижное и живое, и это внушало такое спокойствие, которое, пожалуй, не снилось и йогам в самых прекрасных снах.

И пока я сидела в этой лодке и вдыхала чистый и ароматный воздух, ничто не могло омрачить моего настроения. В такие моменты совершенно не важны прошлые напасти и будущие страхи, а настоящее чувствуется так, что понимаешь: вот она, моя жизнь, и она хороша. В такие моменты у меня проясняется взгляд, и я понимаю, что на самом-то деле все вокруг намного глубже, красивее и чище, чем видится обычно. Наверное, это и есть счастье – быть только здесь и сейчас, и чувствовать всё втрое. Да, пожалуй, так оно и есть...

Тем более что мой прекрасный усатый дядька в пяти метрах от нашей лодочки вытряхивал из бредня не менее усатого сома! Вовка уже греб к рыбакам. Оказалось, что в сети попались еще три небольшие

щуки и несколько подлещиков. От восторга я захлопала в ладоши. Дядя закидывал рыбу прямо в лодку, а мы с Вовкой уже бросали ее в пакет.

Мне захотелось запечатлеть момент. Я достала камеру, сделала несколько снимков.

– Ты... ты еще это в газету отправить не забудь. Мы тут браконьерством занимаемся, а ты снимаешь! – шутовым тоном поругал меня папа.

– Тебя посодют, а ты не воруй, – заступился за меня Вовка.

– Ды не посодют, не робей. Своих не сдаем, – ответила я.

– Ты не рыбу, ты вона дядек снимай лучше. Секси! – зубоскалил Вовка.

Дядька и папа опустили бредень и медленно зашагали вдоль берега.

– Сейчас, Надь, щуклю килограмм на семь вытянем! – крикнул папа.

– Она тебя там так и ждет.

– А чего нет-то? Ой! – папа вдруг споткнулся в воде обо что-то, чуть было не упал, но Рома успел подхватить его.

– Топи его, Ромик! – закричал Вовка, смеясь. – Топи!

– Но, но! Топи, говорит! Сейчас кое-кого потопим! – огрызнулась я.

Они обошли с бреднем почти все небольшое озеро. Рыбы наловили немало, были и щуки, и лещи, и окуни. Мы все переоделись, перекусили, снова загрузились в машины и поехали обратно.

Когда мы приехали, тетя Ира накрывала стол. Рядом с ней хлопотала моя бабушка, которая пришла помочь. На плите уже стояла огромная кастрюля, в которой должна была вскоре булькать ароматная уха. Пока тетя Ира занялась рыбой, мы вышли побить баклуши в сад. В глубине стояли большие потрепанные временем садовые качели и две низких скамейки рядом. Мы расселись, снова потек разговор.

– А кот-то где? – спросил папа.

– Он ко мне теперь не подходит, – ответил дядька. Он сидел напротив нас на бревнышке, покуривал самокрутку.

– Что так? – спросила бабушка.

– Получил! – многозначительно протянул усач.

– Что случилось? – спросила я.

– Да вот, – начал он, – вышел я как-то с утраца покурить в одних трусиках. Сел вот как сейчас, на бревнышке этом. Сижу, курю. Вдруг чувствую... как-то тепло ноге. Смотрю – ба! Тимка! Ссыт! Прямо на мою ногу! Ну я его венником. Он теперь меня за пять метров обходит.

– Ну понятно, почему он к тебе теперь не подходит, – понимающе ответил папа. – Он тебя уже пометил, можно больше не ходить к тебе.

– Да-а, – усач выкинул бычок куда-то в сторону забора, – сижу, значит, никого не трогаю. И этот разбойник. Дует. Как ни в чем не бывало. Ой, че делается-то, ой!

– Ведь вот в целом огороде места не нашлось! – бабушка смеялась от души.

– Ты у нас теперь меченый.

– А то! Эх, жалко скотину-то. Зря я его так отпорол. Коты, они ж злопамятные. Обиделся теперь.

– Простит и вернется как миленький! – попыталась я успокоить его.

– А то как же. Кто же его кормить будет?

Вдруг прямо над нашими головами открылось окно, выглянула тетя Ира:

– Есть идите! – скомандовала она. – Готово уже все!

Мы вошли в дом, в залу, я обвела комнату взглядом и ахнула. Стол ломился от угощений, тут были и фаршированные перцы, и жареная

рыба, и копченая, и тонко-тонко нарезанное сало, и свежайшие овощи только-только с огорода – огурчики, сладкий перец, помидоры. Но самое главное – это, конечно, уха. Большая чугунная кастрюля стояла в центре, возвышалась надо всем, словно гора Синай над пустыней, от нее валил пар, тетя Ира разливала ароматное варево по тарелкам.

– Тетя Ира! – вскрикнула я. – Да ты тут нам целую свадьбу собрала!

– Ой, ну что ты! – засмеялась она. – Так, собрали всего помаленьку. Чем богаты.

Мы уселись за стол. Я схватила ложку, зачерпнула ухи, принялась и отправила ложку в рот.

– М-м! – не удержалась я. – Сладкая!

Усатый дядька сидел прямо напротив меня, положив тяжелые руки на стол. Он не ел, а оглядывал нас, словно сытый кот. Иногда с прищуром смотрел на меня, улыбался при этом хитро и кокетливо приглаживал свои красивые усы.

– Вот мы умрем, – завела свою пластинку бабушка, – а вы будете вот так собираться и вспоминать нас.

– Ага, – кивнул усач, – вспомним, как по компасу одна ходила! Манянь, – обратился он к бабушке, – помнишь, как мы с подружкой твоей, бабой Маней, тогда побегали? О-о-о! Ушла, час, два нету, ёшкин... Мы – искать! Туда, сюда, туда, сюда!

– Может, компас сбился? – спросил папа.

– Не знаю, что у нее сбилось! Нашли к вечеру только. Идет, красавица. Корзинка, спрашиваю, где. А она: не знаю, мол, где-то на дороге бросила. – Он призадумался на минутку. – А вообще я с вами люблю ездить, хорошо. Чуть что – сразу поляну накрывают. Это мне нравится!

– Жень, а ты в одних вот этих вот?.. – бабуля обратилась к моему крестному. – Ну, в брюках-то? Прямо в них рыбачил?

– Да ладно, в брюках! – громыхнул голос усача. – Он и без брюк позировал! О какой натюрморт!

– Да ну? – с сомнением спросил дядя Женя.

– А как же! Когда ты переодевался, такой весь коричневый, а ягодички-то белые, и весь в жиру. И тут как тут наш корреспондент с фоторужьем.

– Да когда это успели меня сфотографировать? – не унимался мой крестный.

– Когда ты за машиной был.

– Так я специально туда ушел, спрятался.

– Ну, спрятался он! В такой компании разве спрячешься! Тем более у нас корреспондент Штрабикус, – дядька кивнул в мою сторону, – из-под колеса тебя сфотографировала.

– Специально за машину ушел... – то ли крестный мой очень хорошо играл, то ли принял все за чистую монету.

– А ты ее видел, машину-то? Это же тебе не «шевроле», тут посадка-то метр! Смотрю, Штрабикус под колесом лежит, думаю – ой-ой-ой! Дядьку в натуре сфотографировала!

– Утром в куплете, вечером в газете, – пропел папа.

Бабушка, раскрасневшись, уже хохотала всюю. А смеялась она красиво, певуче, как смеются девицы в старых советских фильмах.

– Ой, че делается-то, ой! – вздохнул любимый мой дядька. Он пригладил усы, взял графин с самогонкой, плеснул себе и папе и, кивнув, опрокинул рюмку в горло. Потом быстренько подцепил кусочек малосольного огурчика, понюхал его и отправил в рот.

– Хор-р-роши! – выдохнул он, хрустя огурчиком.

– Рыбы-то много наловили? – спросила бабуля.

– Ды неплохо, мамань, неплохо, и тебе достанется, – похвастался дядька.

– Увлеклись они, – тетя Ира вынырнула из дверного проема с большой тарелкой тушеной картошки с мясом, поставила ее в центр стола. – Картошечка! – объявила она. – Ешьте картошку с огурцами малосольными!

– Да-а, – протянул дядька, – а там непонятно, не то мы браконьеры не то нудисты с голыми задками. А бегали-то ты да я, – он кивнул дяде Жене, – они-то с умом уже ехали, плавок там всяких понабрали, а мы-то – простота! Мы только с тобой трусишки меняли, а я-то вообще без трусиков ловил, в одних брюках.

– Тебе там ничего не откусили? – спросила с улыбкой тетя Ира.

– Вот разойдутся, и я тебе покажу.

– А чего показывать-то? – усмехнулся папа. – Все в Колодливке осталось.

– Эх!.. Хорошо наловили. А эти двое в лодке плавали, – он кивнул в мою сторону, – один греб, другая фотографировала в разных ракурсах. Завтра смело можно в прокуратуру нести, а послезавтра по три с половиной года нам обеспечено, – спокойно рассуждал он. – Ну, Гошке как несовершеннолетнему условно. И Вован вроде тут ни при чем. А мы трое попали.

– Это он сейчас гоголем запел, а то мотор-то... Помнишь? В лугах мотор зашумел, и он присмирел сразу, и шепчет, мол, присядь под движок, бредень притопи.

– Знаешь! Дают-то не за бредень, дают за голову, а голов уже нормально было. А чем меньше голова – тем больше штраф.

Он взял в руки ложку, поковырял картошку, откопал приличный такой кусочек мяса, подхватил его ловко и отправил в рот. Вытирая масло с губ хлебом, снова заговорил:

– А на ночь как хорошо ездить! Хоть и комаров, конечно, пурга. Да и волки там, кстати, водятся. Но красивые места я вам могу показать! Бобровые эти... я ей показал, – он взглянул на меня, – и плотину где они собирают, и погрызы, и тропы какие они набивают. Бобров много. Мамань! – обратился он к бабуле. – Чтоб вода с озера не уходила, взяли в истоке и перегородили!

– Кто?

– Да бобры же!

– Вот и все!

– Да! А было бы воды поменьше, и нам было бы лучше лазить. А так в Малом Колодливке вода на целый метр выше, чем в Большом.

Мне было хорошо, сытно, но из жаркой душной комнаты потянуло на свежий воздух. В этот момент мы с Вовкой и Гошей переглянулись и, поняв друг друга, один за другим вышли во двор и направились в огород. Там мы уселись втроем в большие садовые качели, вновь начали болтать обо всяких пустяках. Мы могли разговаривать так очень долго, и этот разговор, как будто ты ни о чем, тем не менее никогда не проходил впустую. Как ни странно, даже за такими разговорами между людьми порой рождаются связи, более того – связи эти крепнут, ниточки превращаются в веревки, затем в цепи, которые никак не разорвать. У нас с Вовкой было мало общего, мало что совпадало, но притом мы связаны намертво связью, которая в тот момент была мне непонятна,

но ощущение этой связи было реальным и тогда и сейчас, и она грела и греет, и светит, мерцая, словно свеча в летнюю ночь.

Мы так проболтали до темноты. Потом к нам пришел папа и присоединился к нашему разговору, он начал рассказывать разные веселые истории про бурную молодость усача. Стало зябко, влажный воздух щекотал ноздри.

– А где бабушка? – спросила я папу.

– Ушла уже давно, – ответил он, – и дядя Женя тоже домой ушел. Да и нам пора. Я вот собрался уже, только за вами зашел. Надо уже идти.

– Да, – согласилась я. Гоша рядом кивнул.

Мы посидели еще минутку, разглядывая звездное небо.

– Пора идти, – еще раз напомнил папа, – ты готова?

– Почти, – ответила я, – только сумку забыла в доме. Стоняю за ней.

Папа кивнул. Я повернулась к Вовке.

– Ну, покедова! – он улыбнулся.

– Когда усы-то отращивать начнешь? – спросила я, улыбаясь одним уголком губ.

– Ты совсем на усах помешалась. Не идут они мне.

– Ты же не зна-а-аешь!

– Знаю, – категорично ответил Вовка.

– Ты слишком самокритичен.

– Ну хоть какая-то слабость у меня должна быть.

– Знаю я твою слабость. Надежда имя ее!

– Топай, малявка! – ответил он, смеясь.

– Смешной ты, Вовк. Ну, пока!

– Пока, пока.

Я вскочила с качелей, быстро пролетела через весь огород, забежала во двор, и вдруг...

Вдруг увидела!

Дядька, мой любимый усатый дядька, такой сильный, такой находчивый, красивый, умный, талантливый, великодушный, обаятельный и привлекательный, – самый лучший в мире усач сидел на лестнице, согнувшись в три погибели, и плакал звучно, всхлипывая, размазывая кулаками слезы, словно мальчик, у которого отняли любимую игрушку.

Я испугалась не на шутку.

Я еще раз взгляделась в темноту. Мой любимый усатый дядька сидел на ступенях, уронив голову на колени. Он попытался встать, качаясь, как тоненькая ивушка на ветру. Я бросилась к несчастному рыдающему усачу, подхватила его, чтобы он не свалился окончательно. Несчастное дитя размером с великовозрастного медведя не преминуло тут же навалиться на меня всем своим весом, а это ни много ни мало примерно полтора центнера.

Я крикнула. Потом глубоко вдохнула и крикнула:

– Дядьк! А ну, хватит хулиганить! Сам! Ножкой, ножкой!

Поднять я его не могла. Только стояла, напрягаясь всем телом, придерживая его, чтобы дядька не грохнулся окончательно. Он облокотился на меня, и я чувствовала запах рвоты вперемешку с алкогольным духом. Рубашка на нем была влажная от слез и еще бог знает чего. А усач все больше наваливался на меня, становилось все тяжелее.

– Эй, кто-нибудь! – что есть мочи крикнула я.

В доме послышался какой-то шум, наверное, я разбудила тетю Иру. Впрочем, оно к лучшему, одна я этого великана домой ни за что бы не дотащила.

Он немного выпрямился, стало легче. В этот момент выбежала тетьа Ирина, быстро смекнула, что происходит, крикнула: «Сейчас, девочка!» – и бросилась во двор. Уже через миг вернулась вместе с Вовкой, они вдвоем стащили с меня дядьку, кое-как подняли его и повели в дом. Я осталась на лестнице, растерянная, перепачканная рвотой. Но более всего меня страшило, что вот этот большой и сильный человек, который, я была уверена, познал дзен и обрел абсолютное счастье, вот он лежал сейчас пьяный на лестнице, не в силах подняться, плакал, вытирал слезы, бормотал что-то нечленораздельное. Разве могло такое произойти? Разве возможно что-то подобное с абсолютно счастливым человеком? Я была растеряна и напугана.

Уже через минуту я, папа и Ромка шли домой. Папа тащил меня за руку, говорил что-то, но я не слышала. У меня в голове стояла картинка – лестница в темноте, а на ступенях большой человек, который рыдает, словно маленький мальчик.

На следующий день папа позвонил дядьке, тот сказал, что все хорошо, что он пришел в себя. Через неделю семейство Лаговых нанесло нам ответный визит. Были и угощения, и шуточки, и истории. Но время от времени та самая картинка вновь всплывала в моей голове, и я никак не могла расслабиться и просто получать удовольствие, мне казалось, что все как-то не то.

Я вышла в огород, села на лавочку. Разглядывала небо, слушала ветер. Неожиданно кто-то сел рядом со мной.

– Не помешаю? – услышала я знакомый голос. И усы щеточкой.

– Нет, конечно! – улыбнулась я.

Он закурил. Заговорил о каких-то мелочах. А потом вдруг неожиданно выдал:

– Ты прости дядьку старого. Седины нажил, а умов не стало больше.

– М? – не сразу поняла я.

– Я тебя тогда там на лестнице чуть не раздавил, дурак старый!

– Ды ничего, ничего, нормально все. Я сильная, – я поспешила его успокоить.

– Да, – уверенно сказал он, – тебя так просто не раздавишь.

– И многое прощается тому, кто возлюбил много, – зачем-то сказала я.

На секунду повисла пауза.

– Дядьк, – осторожно начала я, – у тебя на следующий день голова сильно болела?

– Голова-то? Нет! У меня такого не бывает!

– Ну ничего себе!

– Есть одно средство! Вот, смотри, берешь свеженькое яичко... – он заговорил так, будто делился со мной рецептом вечной жизни или рассказывал почти правдивую легенду о несметных сокровищах, зарытых прямо в нашем огороде.

И сразу как-то полегчало.

Он уже давно ушел, а я все сидела, размышляла о счастье. Все-таки неправ Пушкин, есть оно, счастье, есть. Вот только оно – не взрыв и, простите уж мне мой французский, оно точно не фонтан. Счастье, оно не врывается в парадную дверь, размахивая напوماженными усами и выкрикивая анекдоты. Оно приходит тайно, неприметно, как усы не сразу отрастают. И надо признать, что не всякий усатый дядька, сколь бы ни были атомно очаровательны его усы, сможет сеять вокруг себя добро и хорошее настроение и после плохого урожая. Равно

и не всякий безусый салага однозначно безнадежен по той единственной причине, что усов не имеет. И Москва не сразу строилась, скажу я вам!

Поэтому самое большое достижение моего дядьки – не усы, а счастье, конечно. То самое, которое тихо растет, если его поливать каждый час, рыхлить, подкармливать – возвращать трудом своим, делом, мыслью. И для того, чтобы быть счастливым, нужна не магия, не божественное вмешательство, не судьба. Счастье – это свет, тихий, ровный, такой, что льется во тьме, и тьма не объяла его. Это добро. Это любовь. И счастье приходит к нам счастье разными путями, в разных обликах, но приходит не извне, а рождается внутри. И как про царство небесное нельзя сказать, что вот оно здесь или вот оно там, так и про счастье, ибо есть лишь оно внутри нас. А может, это одно и то же, просто имена разные.